

Л. Карнозова, С. Климова

Суд присяжных в постсоветской России – институт гражданского общества?

*Мудрость суждения всегда должна практиковаться сообща;
приговор мудрости всегда должен выноситься сообща.*

П. Рикер

...Они [присяжные] имеют какую-то власть разобратся.

Реплика участника фокус-группы

Суд присяжных в России в эпохи великих реформ

Ре-форма: назад в будущее

Законом РФ от 16 июля 1993 года в России возрожден институт суда присяжных¹.

Прообразом нынешней модели суда присяжных стала процедура с участием присяжных заседателей в дореволюционной России. Впервые суд присяжных был учрежден в нашей стране Судебными уставами 1864 года. Он стал в каком-то смысле символом, “венцом” судебной реформы, осуществленной после отмены крепостного права и явившейся одним из важнейших общественных преобразований того времени [Джаншиев]. Просуществовал такой суд до Октябрьской революции 1917 года.

Правовые акты, касающиеся суда присяжных

Право на суд присяжных закреплено в Конституции РФ (ч. 2, ст. 20; ч. 2, ст. 47; ч. 4, ст. 123), принятой в декабре 1993 года. Его принадлежность российской судебной системе отражена в Федеральном конституционном законе “О судебной системе Российской Федерации” (от 23 октября 1996 года) и в Федеральном конституционном законе “О военных судах РФ” (23 июня 1999 года). Процедура рассмотрения дел закреплена в Уголовно-процессуальном кодексе РФ (УПК РФ); участие граждан РФ в осуществлении правосудия в качестве присяжных заседателей устанавливается Федеральным законом “О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации” (20 августа 2004 года).

КОММЕНТАРИЙ

¹ Закон РФ “О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судоустройстве РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях” (Ведомости Съездов народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1993. № 33. Ст. 1313).

В XIX веке суд присяжных бурно обсуждался в обществе и в среде юристов. Современники описывают эти дебаты и борьбу его сторонников и противников как настоящую войну.

Сейчас, после возрождения в России суда присяжных, возобновились и споры об осмысленности и эффективности этой формы судопроизводства. Предмет нашего исследования – мнения рядовых, не обремененных юридическими знаниями граждан о суде присяжных. Но сначала вкратце приведем точки зрения профессиональных юристов. Их аргументы – практически те же, что и более ста лет назад².

Аргументы противников: суд присяжных – это суд эмоций, суд толпы; судить должны не дилетанты, а профессионалы; здесь существенно снижается значимость позиции профессионального судьи, он оказывается в роли стороннего наблюдателя, не влияющего на принятие решения.

Аргументы сторонников: “простой человек” в состоянии разобраться в фактической стороне преступления и адекватно оценить меру виновности

О составе суда присяжных и разграничении полномочий

КОММЕНТАРИЙ

Суд присяжных действует в составе председательствующего (профессионального судьи) и коллегии присяжных заседателей, состоящей из двенадцати (комплектных) присяжных, которые выносят вердикт. Кроме того, для слушания дела отбираются два или более запасных присяжных; в случае, если кто-то из комплектных присяжных выбывает, его место занимает запасной. Вердикт о виновности или невиновности подсудимого выносится коллегией присяжных заседателей самостоятельно. Руководит процессом председательствующий, который решает все юридические вопросы и на основании вердикта присяжных выносит окончательный приговор. В случае установленной вердиктом виновности судья квалифицирует деяние и назначает наказание.

В отличие от США, где вердикт предполагает лишь конечное решение вопроса о виновности, российский вердикт представляет собой ответы коллегии присяжных на сформулированные председательствующим по согласованию со сторонами вопросы вопросного листа, в соответствии с которым присяжные определяют: 1) доказанность инкриминируемого деяния, 2) доказанность факта, что его совершил именно подсудимый, и, наконец, 3) виновность подсудимого в совершении этого деяния. Кроме того, присяжным предлагаются частные вопросы об обстоятельствах, влияющих на квалификацию деяния. В случае вынесения обвинительного вердикта присяжные решают, заслуживает ли подсудимый снисхождения, что оказывает влияние на назначение судьей наказания. Вопросы ставятся без использования юридической терминологии.

В соответствии с УПК РФ присяжные могут участвовать в осмотре вещественных доказательств и документов, задавать через председательствующего вопросы допрашиваемым лицам, вести записи, просить председательствующего разъяснить им нормы закона и другие неясные для них вопросы и понятия. Если в ходе судебного заседания возникает вопрос, получено ли то или иное доказательство с нарушением закона, что требует чисто юридической оценки со стороны председательствующего, для его решения присяжных просят удалиться. Согласно закону перед присяжными предстают только допустимые доказательства, в противном случае у них может сложиться впечатление о виновности подсудимого на основе материалов, не имеющих юридической силы.

Правовая конструкция ориентирована на минимизацию предубеждений присяжных и сохранение беспристрастия. Это обеспечивается случайной выборкой и многоступенчатым отбором присяжных заседателей, невозможностью предварительного ознакомления с материалами дела, запретом предъявления в судебном заседании недопустимых доказательств и сведений, порочащих личность подсудимого, например данных о прежней судимости, и т. п.

² Подробнее анализ позиций отечественных юристов, а также проблем введения суда присяжных, обусловленных нерешенностью ряда правовых вопросов и особенностями профессионального юридического правопонимания, см.: [Карнозова].

подсудимого, для этого не требуется каких-то особых юридических знаний; суд присяжных обеспечивает полноценную состязательность, здесь устраняются объективные и субъективные основания для слияния судебной и обвинительной функций; у профессионального судьи в силу привычки формируется обвинительный уклон, в то время как присяжные рассматривают дело как уникальный случай и опираются в своем решении на совесть и мораль – категории, не значимые для юридического профессионализма; на присяжных не давит уголовная политика, судебная практика, на них не воздействует вышестоящая инстанция – они независимы [Пашин].

Как и в XIX веке, введение суда присяжных в рамках судебной реформы 90-х годов века 20-го стало одной из наиболее радикальных инноваций [Концепция судебной реформы в Российской Федерации]. Ключевая установка реформаторов состояла в том, что именно с введением практики суда присяжных отечественное уголовное судопроизводство из института государственной репрессии превратится в институт подлинного правосудия, суд станет независимым; это позволит разрушить кажущуюся “естественной” государственную монополию в данной области³ и сделать правосудие институтом общественно-государственным. В конструкции суда присяжных находит воплощение идея суда-какового – самостоятельного института, а не инструмента в руках власти.

Идеи его возрождения в России (Советском Союзе) достаточно активно обсуждались либерально настроенными юристами [Мысли о правосудии. С. 4–6; Петрухин; Морщакова] и некоторыми правозащитниками [Сокирко] по крайней мере с конца 80-х годов прошлого века. Во время перестройки, важнейшим лозунгом которой стало “построение правового государства”, эти идеи снова стали востребованными: правовое государство немислимо без независимого суда. Наличный судейский корпус не может автоматически изменить свои установки и обыкновения, и суд присяжных представлялся реформаторам наиболее действенным инструментом обеспечения независимости.

Компетенция суда присяжных

Новый российский суд присяжных начал действовать в конце 1993 года. Ему подсудны по ходатайству обвиняемого все дела, рассматриваемые по первой инстанции областными и приравненными к ним судами. Обвиняемому принадлежит право выбрать между профессиональным судом и судом присяжных. Концепция судебной реформы, одобренная Верховным Советом РСФСР в 1991 году, предусматривала право на суд присяжных по всем категориям дел, где подсудимому грозил срок лишения свободы свыше одного года, то есть и для районных судов [Концепция судебной реформы в Российской Федерации. С. 81]. Но принятый в 1993 году Закон о суде присяжных стал своего рода компромиссом между сторонниками и противниками этого института, отдав на его рассмотрение лишь дела о наиболее серьезных преступлениях.

Суд присяжных вводится в России поэтапно. До 2002 года он был лишь в девяти областных (краевых) судах, в настоящее время суд присяжных действует во всех регионах, кроме Чечни. В Чеченской Республике в соответствии с законом он начнет действовать с 2007 года.

КОММЕНТАРИЙ

³ Ср.: “Советская государственная система характерна тем, что функция правосудия имеет в определенном смысле производный и подчиненный характер по отношению к высшей государственной власти” (Конституционные основы правосудия в СССР / Под ред. В.М. Савицкого. М., 1981).

Двенадцать лет спустя

Рожденный на высоком эмоциональном подъеме – как противников, так и сторонников, – сегодня суд присяжных вызывает и у первых, и у вторых скорее раздражение. Противники недовольны оправдательными приговорами и вообще излишней, на их взгляд, самостоятельностью этого суда. Но избавиться от него непросто – не позволяют конституционные нормы.

Сторонники же разочарованы тем, что старая система постепенно поглощает инородный элемент, каковым суд присяжных так и остался, не получив достаточной поддержки для полноценного развития. И хотя почти десятилетнее замораживание его распространения (до 2003 года он действовал лишь в 9 регионах России) прекратилось и сегодня этот институт существует во всех, кроме Чечни, субъектах Российской Федерации (чему в немалой степени способствовали решения Конституционного Суда РФ), он становится все более управляемым и манипулируемым. Неприятие суда присяжных судебной корпорацией в немалой степени способствует этим процессам. И развиваются они на фоне того, что в соответствии с принятым в 2001 году новым Уголовно-процессуальным кодексом РФ (УПК РФ) общественность почти полностью отстранена от участия в правосудии. Институт народных заседателей ликвидирован (хотя надо признать, что в советские времена он выполнял большей частью декоративную функцию), а присяжные допускаются к участию в незначительной доле всех уголовных процессов – лишь по делам, которые рассматриваются по первой инстанции в областных судах (краевых, верховных судах республик); да и то готовятся законодательные предложения о сужении его компетенции. По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2005 году судами присяжных рассмотрено около 600 дел, что составляет 12% от общего числа уголовных дел, рассмотренных судами областного звена, и около 0,05% (!) всех уголовных дел, рассмотренных по первой инстанции судами общей юрисдикции⁴.

Основная масса дел рассматривается без какого-либо участия представителей общества, причем большая часть – судьей единолично. Участие в правосудии представителей населения в других ролях – общественных обвинителей, общественных защитников или представителей общественности по делам в отношении несовершеннолетних – тоже не предусмотрено новым законом. Так что сегодня правосудие в России все больше монополизировано государством.

Глазами граждан

Смысл суда присяжных

После десятилетий господства советского права (неправа [Нерсисянц]) суд присяжных, сменивший неоинквизиционный процесс, где судебная функция фактически сводилась к обвинительной, стал для России школой современного пра-

⁴ По данным статистической отчетности, в 2005 году судами общей юрисдикции рассмотрено по первой инстанции 1 миллион 148 тысяч уголовных дел в отношении 1 миллиона 263 тысяч лиц. Из них: судами областного звена – 5,2 тысячи дел (в том числе около 600 – судом присяжных), районными судами – 722 тысячи дел, мировыми судьями – 421 тысяча дел (см.: www.cdep.ru).

восудия. Он предложил модель другого процесса, другого суда – *рассуживающего*, а не обвиняющего. В этом состояла идея трансформации нашего суда, в этом же и граждане видят роль суда земного, человеческого. Во время групповых дискуссий такую мысль озвучивали многие участники⁵.

“Есть осуждение человека – это оставить на волю Бога; а есть обсуждение ситуации, которую он совершил. То есть ситуацию надо обсуждать, судить, а не человека осуждать. То есть обсуждать надо, а не судить, вот я про что сказала. А если он убил – конечно, нужно изолировать его от общества” (ДФГ, Самара).

Исходно суд присяжных мыслился как действенный институт гражданского общества. В связи с небольшой, но уже получившей широкий резонанс практикой работы современных судов присяжных возникает множество вопросов, связанных со значением этого суда для осознания обществом самого себя в качестве субъекта права. Вот лишь некоторые из них.

- Как связаны, как соотносятся представления о законе и справедливости?
- Есть ли у российских граждан понятие о суверенитете народа и о возможности отправлять правосудие через своих представителей как об одной из форм суверенитета?
- Является ли ценностью право “обычных” людей вершить правосудие – либо население страны готово делегировать это право “верхам” или “специалистам”?
- Верят ли люди в принципиальную возможность объективности суда присяжных? Если да, значит, население поймет и примет “правду” решения суда

⁵ Дискуссионные фокус-группы в Москве, Новосибирске и Самаре 28 марта 2006 года.

присяжных, даже если она не будет совпадать с “истиной”. “Истину мы познаем, а правду понимаем” [Знаков. С. 95]. В основе такого принятия и понимания – конгруэнтность восприятия и оценок тех, кто судит, и тех, кто наблюдает со стороны.

Хотя конструкция суда присяжных довольно сложна и предполагает не “народный суд”, а разделение компетенции профессионального и непрофессионального субъектов правосудия в рамках определенной правовой формы, смысл и значение этого института оцениваются в первую очередь именно исходя из сопоставления профессионального и непрофессионального суда.

Основные составляющие принятия судебного решения – восприятие хода судебного процесса и доказательств, их оценка, формирование внутреннего убеждения. Как показывают социально-психологические исследования, никакого “чистого” восприятия не существует; восприятие опосредовано категориями, организующими наше сознание и мышление, ценностями, социальными установками и стереотипами, опытом, предубеждениями, особенностями ситуации, в которой оно происходит, позицией воспринимающего. Принципиальное различие между восприятием профессионального юриста и “обыкновенного человека” и состоит именно в этих формах опосредования, которые позволяют нам разделить в правосудии юридическое познание и “человеческое” понимание.

В первом случае перед профессиональным судьей предстает *лицо* (юридическая проекция человека), обвиняющееся в совершении *преступления*; юридическое познание состоит в *решении задачи* на определение состава преступления. Личность подсудимого замещается *субъективной стороной как элементом состава преступления*, которая определяется путем приписывания лицу его намерений и состояний, исходя из юридической картины мира, то есть определенного рода предметной идеализации. И закон как юридическая конструкция опирается на такое формализованное представление – о ситуации, о человеке, о связи явлений и событий.

Во втором случае перед человеком предстает *другой человек*, поступок которого воспринимается и оценивается по меркам здравого смысла и норм человеческого общежития, но особенность ситуации – в том, что от такого суждения зависит судьба этого *Другого*.

Профессионализм первых определяется умением решать соответствующие задачи, соотнести доказательства с абстрактными схемами и нормами; в участии вторых правосудие нуждается в силу необходимости рассмотреть “каждый случай по его индивидуальности” [Митгермайер. С. 514]. И даже если формально закон нарушен, присяжные решают, могут ли они упрекнуть нарушившего его человека. И только в этом случае говорят: “виновен”⁶. В этой ситуации оппозиция между универсализмом законов и уникальностью суждений о конкрет-

⁶ “Уголовно-правовая формула суда присяжных выражается в упречной концепции вины. Мало установить, что деяние совершено подсудимым с умыслом или по неосторожности; судья должен прежде, чем объявит обвиняемого преступником, спросить себя, а может ли он от имени государства и общества упрекнуть его в содеянном. Если ответ отрицательный – обвиняемый должен быть оправдан, хотя формально его действия и содержат «состав преступления» [Пашин. С. 53]. Такой принцип не может быть реализован “судом юристов”, где виновность устанавливается хоть и “по внутреннему убеждению”, но тем не менее жестко формализованно.

ном случае снимается благодаря ценностным представлениям, аккумулированным в понятии “совесть”⁷.

“1-й участник: Ну, вот вы понимаете, человек – он судит. У него просто-напросто, как сказать, эмоции просто должны отсутствовать, должна быть только одна совесть. К сожалению, так чаще всего не бывает. Вот она, совесть, вот как ты думаешь, как ты воспитан – вот она и совесть.

2-й участник: Наверное, знание законов, а не совесть.

1-й участник: Нет, законы – это другое. И совесть должна присутствовать. Есть такая хорошая поговорка: закон – что дышло, куда повернул – туда и вышло. Когда я говорю «присяга закону», это действительно абсурд получается. Потому что закон – это дышло, вот его всячески можно повернуть.

3-й участник: Я полностью поддерживаю это мнение.

4-й участник: Я тоже поддерживаю” (ДФГ, Новосибирск).

“Участник: Эмоции – это не недостаток на самом деле.

Модератор: Почему?

Участник: Потому что мне кажется, что это предполагает какую-то вовлеченность чисто человеческую на эмоциональном уровне, соучастие в судьбе человека” (ДФГ, Москва).

Данные массовых опросов и материалы дискуссий на фокус-группах показывают, что представления о суде присяжных встроены в ценностно-нормативные представления, связанные с понятиями “справедливость”, “Бог”, “правда”, “совесть”. Однако связь понятия “суд присяжных” с этими предельными ценностями не однозначна. Анализ ассоциаций участников фокус-групп с понятием “суд присяжных” показывает, что оно существует в противоположных смысловых полях⁸.

В частности, это понятие связывается и с “жизненным миром” (“обсуждение ситуации”, “обсуждение человека”, “милосердие”), и с миром власти (“манья”, “официальность”, “приговор”, “вердикт”).

Присутствует, с одной стороны, представление о “правде” суда присяжных (“гуманность”, “справедливость”, “власть разобраться”), а с другой – о его нечестности (“нет доверия”; “ложь, фальшь”, “все покупается и продается”; “взятки”).

Для одних людей суд присяжных – “свой”, близкий и понятный (“улица”, “двор”, “дискуссия”), для других – “чужой”, привнесённый чуждой культурой и нравами (“Запад”, “кинофильмы”, “незнакомое в сущности”).

В ходе дискуссий эти ценностные маркировки находили обоснования и получали развитие. Так, симметричной к дихотомии “жизненный мир” и “мир власти” является оппозиция понятий “справедливость” и “закон”.

“Модератор: Скажите, а почему суд присяжных называется именно «присяжным», как вы это понимаете?

⁷ Совесть, в соответствии со словарем В. Даля, это нравственное сознание, нравственное чутье или чувство в человеке; внутреннее сознание добра и зла; способность распознавать качества поступка; чувство, побуждающее к истине и добру и отвращающее от лжи и зла [Даль].

⁸ По заданию модератора участники фокус-групп писали, какие ассоциации вызывает у них понятие “суд присяжных”.

Участник: *Присягают на верность Фемиде – быть беспристрастным в суждениях своих; судить по-человечески, не по закону*” (ДФГ, Самара).

“1-й участник: *Мало судить только трезвой головой. Даже в Библии написано, что милость превозносится над судом. Люди могут смотреть, что произошло, не однозначно рубить: виновен, за решетку его!*

2-й участник: *Я написал три понятия [ассоциации с судом присяжных]: «народ», «вердикт» и «милосердие». «Народ» – потому что глас народа – это глас Божий. И «милосердие» – потому что именно собрание независимых, неподкованных людей, на мой взгляд, гораздо более способно вынести мягкий приговор или вообще оправдать человека на основании естественных доказательств, нежели наши судьи*” (ДФГ, Москва).

По ходу дискуссии о том, является ли суд присяжных новомодной западной штучкой, не укорененной в отечественной традиции, или же имеет в России свою историю, участники обсуждения приходят к мысли, что это институт, учрежденный в новое время в связи с ориентацией общества на демократические ценности. Впрочем, некоторые респонденты припоминали, что такие суды были и до революции, хотя и затруднялись определить, когда именно они были введены.

“1-й участник: *Это с Запада взяли – суд присяжных, у нас же не было его.*

2-й участник: *В России был до революции.*

1-й участник: *А декабристы были как?..*

3-й участник: *Нет, тогда, по-моему, не было такого суда.*

Модератор: *А как вы думаете, почему возобновился суд присяжных?*

3-й участник: *Ну, как бы необходимость у гражданского общества.*

4-й участник: *А по-моему, это работа правозащитников. Они на этом настаивали в основном. Насколько я помню, судебная власть очень сильно отбивалась от этого*” (ДФГ, Москва).

Вопрос, насколько традиционен этот институт в России, не является второстепенным. Определение его истоков позволяет прояснить, в какой контекст можно было бы поместить мнения об этой социальной практике: в контекст “власти”, “политики”, “закона” или в контекст “правды” и “человечности”. Дихотомией этих двух контекстов во многом определяется доверие либо недоверие россиян суду присяжных.

Доверие суду присяжных

Опросы, проводимые Фондом “Общественное мнение”, неизменно показывают низкие оценки работы судов и низкую популярность суда как правозащитного института в целом. Так, на вопрос: “Как Вы в целом оцениваете деятельность российских судов и судей – положительно или отрицательно?” почти половина респондентов – 46% – ответили: “отрицательно”⁹. Положительно оценивает работу российских судов и судей почти вдвое меньшая доля россиян – 26%. Довольно многие – 28% – затруднились ответить на этот вопрос. Участвовавшие в судебных разбирательствах в той или иной роли – ответчика, истца, подсудимого, потерпевшего, свидетеля – реже затрудняются с оценкой работы судов

⁹ Общероссийский опрос населения от 9–10 октября 2004 года (100 населенных пунктов, 44 субъекта РФ, 1500 респондентов).

Табл. 1

% от групп (по столбцам)

	Население в целом	Участниками судебного разбирательства	
		были	не были
Доли групп в населении, %	100	30	68
Как Вы в целом оцениваете деятельность российских судов и судей – положительно или отрицательно?			
Положительно	26	25	26
Отрицательно	46	56	42
Затрудняюсь ответить	28	19	31

Табл. 2

% от групп (по столбцам)

	Население в целом	Участниками судебного разбирательства	
		были	не были
Доли групп в населении, %	100	27	68
Как Вы думаете, суды присяжных заслуживают большего доверия, чем суды, в которых решение о виновности или невиновности подсудимого выносит судья, меньшего, или такого же доверия?			
Большого	30	34	28
Такого же	19	17	20
Меньшего	21	26	19
Затрудняюсь ответить	30	23	33

и судей, и оценка эта чаще, чем в среднем, отрицательная. Впрочем, и те, кому повезло избежать тягостных хождений по судам, тоже считают их работу скорее плохой, чем хорошей (табл. 1).

Мнения россиян об отечественных судах и судьях и соответствующие установки сформированы главным образом социальным опытом (личным и чужим) [Климова]. Может быть, практика работы судов присяжных показала, что они заслуживают большего доверия, чем суды без участия присяжных? Судя по нашим данным¹⁰, отношение россиян к суду присяжных неоднозначно: по мнению 30% опрошенных, эти суды заслуживают большего доверия, чем те, в которых решения о виновности или невиновности подсудимого выносит судья, по мнению 21% – меньшего; остальные либо затрудняются отдать предпочтение той или иной модели судопроизводства (30%), либо полагают, что те и другие суды заслуживают доверия в равной мере (19%).

Для того чтобы сравнить “профанные” и “компетентные” мнения, вновь сопоставим оценки тех, кто был, и тех, кто не был участником судебных разбирательств в той или иной роли.

Как видно из табл. 2, респонденты, участвовавшие в судебных процессах, высказываются более уверенно, но соотношение между теми, кто считает, что суды присяжных заслуживают большего доверия, и теми, кто придерживается противоположной точки зрения, в обеих типологических группах примерно

¹⁰ Общероссийский опрос населения от 1–2 апреля 2006 года (100 населенных пунктов, 44 субъекта РФ, 1500 респондентов). В дальнейшем данные этого опроса приводятся без ссылок.

одинаковое – 3:2. Довольно много в обеих группах и затруднившихся с ответом. Видимо, в обществе еще не сформировались доминирующие оценки института суда присяжных. Еще нет достаточного числа “громких” судебных процессов с их участием, которые позволили бы людям судить о том, насколько эффективен этот институт. Но в обеих группах – и среди тех, кто был участником судебного разбирательства, и среди тех, кто не был, – имеющие определенное мнение “авансом” склонны доверять суду присяжных больше, чем обычному суду.

Участникам массового опроса, высказавшимся в пользу той или иной судебной процедуры, задавался открытый вопрос: *“Почему Вы думаете, что суды присяжных заслуживают большего (меньшего) доверия, чем суды, в которых решение о виновности или невиновности подсудимого выносит судья?”*

Респонденты, доверяющие суду присяжных больше, чем обычным судам, чаще всего полагают, что он **честнее, объективнее, независимее, меньше подвержен коррупции** (13%).

Вот некоторые высказывания на эту тему: *“обычный суд – это сталинская тройка, что хотят, то и творят”*; *“присяжные более объективны”*; *“суд зависит от власти”*; *“в судах возможны взятки – присяжным дать взятку проблематично”*.

Присутствует эта тема и на фокус-группах.

1-й участник: *Беспредел судебный никого не устраивает. Суд присяжных – это абсолютно независимая инстанция, в отличие от суда, который может быть от чего-то зависим.*

2-й участник: *В каждом городе существует правящая верхушка, куда входит горсовет, прокурор, пятое-десятое. Судья от них крайне зависит, дров не дадут или что-нибудь такое. Присяжные – люди сравнительно независимые* (ДФГ, Москва).

“Там [в суде присяжных] телефонное право отсутствует полностью. Чиновника могут послать по телефону, и все” (ДФГ, Самара).

“Если судит один судья, с ним можно договориться, купить. Сложней, наверное, все-таки купить присяжных” (ДФГ, Новосибирск).

В судах присяжных решение выносится не одним человеком, а коллективом, в котором взвешиваются все аргументы “за” и “против” (9%).

Респонденты из числа участников массового опроса говорят: *“ум хорошо, а десять – лучше”*; *“больше мнений, больше обсуждений совместных приводит к чему-то более справедливому”*; *“разбирают ситуацию с разных точек зрения”*.

Участники фокус-групп, склонные доверять суду присяжных больше, чем обычному суду, тоже обращают внимание на то, что такой суд – гласный и демократичный, что случайно оступившиеся люди получают шанс на сострадание.

“Суд присяжных более демократичен. У нас в стране можно человека осудить за украденное ведро картошки – он будет сидеть как уголовный преступник. Потом, это в определенной степени гласность и общедоступность: если идет суд присяжных, заседания открытые, меньше шансов подтасовки каких-то фактов” (ДФГ, Самара).

Суд присяжных справедлив и “человечен” – в противоположность “бесчеловечному” формальному суду (1%). Высказываний типа “у них есть сострадание, они не привязаны к Уголовному кодексу”; “они судят по справедливости, а судья – по закону, не вникает в обстоятельства” немного. Однако есть основания предполагать, что если бы респондентов прямо спросили: “Суд присяжных более справедлив или менее справедлив, чем суд, где решение выносит профессиональный судья?” – многие сочли бы первый более справедливым. Основания для такого предположения мы находим, в частности, в другом исследовании Фонда “Общественное мнение”. В 2001 году задавался открытый вопрос: “Как Вы понимаете выражение «суд присяжных»? Что оно означает?” Отвечая на него, 5% респондентов прямо указали на большую справедливость суда присяжных¹¹.

В ходе опроса, проведенного 9–10 октября 2004 года и посвященного оценке работы обычных судов, с утверждением “в России суды часто выносят несправедливые приговоры” согласились 47% опрошенных, а с утверждением “несправедливые приговоры выносятся редко” – вдвое меньше респондентов (24%).

Оппозиция “человечность – формализм” присутствует и на фокус-группах. “Даже в Библии написано, что милость превозносится над судом. Люди могут по-человечески...Даже если человек совершил преступление, смотреть, что произошло, неоднозначно рубить, что виновен – его за решетку” (ДФГ, Москва).

Суд присяжных – это шаг к построению гражданского общества. Лишь немногие участники массового опроса воспринимают суд присяжных как элемент гражданского общества. Их точка зрения не слишком отчетливо артикулирована, и главное – они не столько говорят о гражданственности как об участии в общем деле, сколько противопоставляют гражданственность закону (“потому что не только с точки зрения закона, но и с гражданской точки”).

На дискуссионных фокус-группах высказывания на тему “суд присяжных – это элемент гражданского общества” тоже были слабо аргументированы. Участники дискуссий, связывающие суды присяжных с гражданским обществом, лишь обозначали эту связь. Такая неартикулированность проблемы неудивительна: СМИ уделяют этой теме довольно мало внимания, поэтому “человеку с улицы” негде взять аргументы в пользу этой позиции, да и о том, что такое гражданское общество, участники дискуссии, похоже, имеют смутные представления.

“Мне кажется, это какой-то шаг к построению гражданского общества” (ДФГ, Москва).

Но есть и достаточно жесткие позиции, обосновывающие зависимость права человека стать присяжным заседателем от его гражданской активности.

1-й участник: Вот, кстати, один из вариантов ценза: за несколько выборов посмотрите, кто не ходил на выборы, – и их отсеять сразу.

2-й участник: ...Это несправедливо.

1-й участник: Это не граждане. Это не граждане, это просто жители” (ДФГ, Москва).

¹¹ Общероссийский опрос населения от 15–16 ноября 2001 года (100 населенных пунктов, 44 субъекта РФ, 1500 респондентов).

На фокус-группах звучала точка зрения, не проявившаяся в ходе массового опроса: **суды присяжных в состоянии заставить судебную систему в целом работать более эффективно.**

“Надо повысить уровень работы прокуратуры. Если они знают, что они не представят достаточно доказательств на суде, то они проиграют этот процесс, значит, они будут работать в 100 раз лучше, чтобы нарыть доказательства” (ДФГ, Москва).

Участники массового опроса из числа тех, кто доверяет суду присяжных *меньше*, чем судам, где решение о виновности либо невиновности выносит судья, высказывали следующие обоснования своего мнения.

Судить должны профессионалы, а не “люди с улицы”, у которых нет необходимых знаний, опыта (9%).

“Люди из народа не все соображают в судебных делах”; “люди, не имеющие юридического образования, не могут судить”. За этими высказываниями – противопоставление экспертного и профанного знания.

На эту проблему первыми обратили внимание социологи П. Бергер и Т. Лукман, впоследствии она затрагивалась в трудах А. Шюца, К. Мангейма, Э. Гидденса [Климов]. Дело в том, что люди, с одной стороны, с готовностью признают обоснованность, “солидность” экспертного знания и готовы делегировать экспертам принятие жизненно важных решений, а с другой стороны – понимают, что при решении каких-то вопросов “житейская мудрость” бывает важнее формальной логики. Автор обзора работ упомянутых ученых подчеркивает, что это социальное знание представляется мифологичным, неповоротливым, неполным, но оно позволяет людям чувствовать, что они живут друг с другом и друг для друга. Отказ от правомерности использования “житейской мудрости” для принятия важных решений, в данном случае – решений о судьбах других людей, это, по существу, отказ от одного из базовых суверенных прав. Мировоззренческий конфликт между убеждением в том, что обычные люди не вправе судить, и противоположным убеждением – что именно они могут вынести правосудное решение, проявился на фокус-группах.

“1-й участник: *Там некомпетентных много людей и выносят решения не объективные.*”

2-й участник: *Я согласен, много неподготовленных людей.*”

1-й участник: *Там не специалисты и юридически не очень-то образованные люди”* (ДФГ, Москва).

Противоположная точка зрения.

“Я... за [суд присяжных]. Потому что двенадцать – это больше чем судья, прокурор и народные заседатели... Люди разные. Все поймут, оценят...” (ДФГ, Новосибирск).

Суды присяжных заслуживают меньшего доверия, потому что они руководствуются не знанием юридических законов, а эмоциями (4%). Фактически это та же тема “необъективности” суда присяжных. Вот типичные высказывания: *“простые люди – милосердные, а милосердие здесь не выход”; “присутствует не юридический, а человеческий фактор – жалость”; “решения выносят необъективно, а нужно – по заслугам”.*

В эмоциональности “людей с улицы” видят недостаток суда присяжных и некоторые участники фокус-групп.

“1-й участник: *И много эмоций может быть.*”

2-й участник: *Все-таки надо как-то выносить вердикт ближе к букве закона, но не руководствоваться эмоциями, жалостью – или наоборот”* (ДФГ, Москва).

Присяжных легче, чем судей-профессионалов, подкупить, запугать, оказать на них давление (3%). Участники массового опроса говорят: *“взяточничество там еще хуже”; “на присяжных можно влиять, давить”*.

Такого же мнения придерживаются и некоторые участники фокус-групп, которые считают, что присяжные более управляемы, чем профессиональные судьи.

“Мне кажется, они [присяжные] гораздо более управляемые. И если сказать им завтра: извини, если ты хочешь завтра продолжать сюда ходить и быть пожизненным присяжным, то давай, будь добр, принять такое решение” (ДФГ, Самара).

“1-й участник: *Посторонние люди, видя присяжных, могут их отвести в сторону и поговорить с ними.*”

2-й участник: *Пригрозить могут.*

3-й участник: *Преступность может влиять и на присяжных.*

1-й участник: *У нас нет защиты присяжных.*

4-й участник: *Мы все зависимые люди у нас в России”* (ДФГ, Москва)

“У нас может быть коллективный сговор – нас купили. И спокойно это проходит. А вы ничего не можете сделать” (ДФГ, Новосибирск).

На фокус-группах высказывались также аргументы против суда присяжных, которые не встретились в высказываниях участников массового опроса. Они, возможно, не очень широко распространены в обществе, но могут звучать убедительно, когда находят напористых сторонников.

В стране нет гражданского общества, люди не готовы к введению суда присяжных. Скептики из числа участников фокус-групп говорят, что суду присяжных нельзя доверять, потому что в обществе не сформированы базовые ценностно-нормативные представления. Предполагается, что формировать, транслировать и культивировать эти нормы и ценности должны институты гражданского общества, которых в России сегодня нет. Примечательно, что по мнению автора размышлений о суде присяжных как институте гражданского общества, формировать это общество должны власти; и только после этого можно вводить суды присяжных.

“1-й участник: *На данный момент я лично считаю, что этот институт – он, может, даже и вредный. Не готово общество к его наличию пока.*”

2-й участник: *Эти суды присяжных отражают незрелость гражданского общества. <Незрелость> во всем: на бытовом уровне, на уровне понимания законов, их реализации, ответственности за их нарушение. Референдум за введение смертной казни пройдет на ура, несмотря на протест юристов. Поэтому суды присяжных нужны, но нужно и нашему правительству работать денно и нощно над созданием гражданского общества, только тогда суды эти будут сбавывать.*

3-й участник: *Надо строить гражданское общество, чтобы в итоге уже суд как бы и не нужен был бы, потому что действительно, люди, кото-*

рые уважают друг друга, никогда не пойдут на... допустим, плевать другу другу в ноги” (ДФГ, Самара).

Идея, что гражданское общество может формироваться в ходе складывания самой практики суда присяжных, не нашла активной поддержки у участников дискуссий. Хотя и такое мнение звучало.

“1-й участник: *Не ждать же, когда возникнут какие-то условия.*

2-й участник: *...рано еще.*

1-й участник: *А всегда будет рано, всегда будет рано” (ДФГ, Москва).*

В основном же в обсуждениях на фокус-группах звучали сомнения в том, что суд присяжных может быть эффективным в нынешней России. И как бы подтверждая приведенное высказывание о незрелости нашего гражданского общества, участники обосновывали свое недоверие суду присяжных следующими аргументами.

Люди из народа не могут судить, потому что все аморальны.

“В России все воруют. И что у нас будет, получится тогда? Воры будут судить воров – интересная ситуация. Или убийцы будут судить убийц” (ДФГ, Самара).

В присяжные идут затем, чтобы получать деньги за “легкую работу”.

“Кто идет в суд присяжных? Вот жажда у них обостренная справедливости, да? Просто люди, которые хотят получить от государства какую-то сумму денег за, в общем-то, несложную работу, посидеть и послушать, как происходит” (ДФГ, Самара).

Участвовать в судопроизводстве – значит нарушать христианскую заповедь “не суди”.

“1-й участник: *Как мы, грешные люди, будем наказывать от своего общества людей? Судья, который судит преступника, он не является ли преступником?*

2-й участник: *Есть такая поговорка: не суди – и не судим будешь” (ДФГ, Новосибирск).*

Отвечая на открытый вопрос о причинах меньшего доверия к суду присяжных, участники упоминавшегося массового опроса изредка говорили об имевших место в последнее время прецедентах – **сомнительных решениях присяжных заседателей** (1%). Вот примеры таких высказываний: *“на основе суда Череповца, где присяжные оправдали убийцу”;* *“это доказывается приговором над убийцами таджикской девочки”.*

Сомнения в честности и справедливости суда присяжных – это, по существу, сомнения в том, что среди двенадцати случайно отобранных “людей с улицы” большинство окажутся настолько нравственными, что им можно будет доверить судьбу другого человека. Каждое сомнительное решение присяжных будет увеличивать число скептиков. Обсуждение темы суда присяжных на фокус-группах не могло обойтись без конкретных примеров. Посмотрим, к каким выводам эти конкретные примеры приводили участников дискуссий.

Оценки приговоров, вынесенных судами присяжных

О суде присяжных наши сограждане до недавнего времени могли составить представление лишь по западным фильмам. Сегодня судебные процессы

с участием присяжных проводятся регулярно и нередко широко освещаются СМИ. Однако только 32% участников опроса утвердительно ответили на вопрос, слышали ли они в последнее время о каких-либо судебных процессах с участием присяжных; больше осведомленных оказалось среди людей с высшим образованием (47%) и москвичей (41%). Не слышали ни о каких судебных процессах с участием присяжных большинство наших сограждан – 57%; среди людей, не имеющих среднего образования, доля неосведомленных еще выше – 71%. Плохо информированными оказались и самые бедные россияне (в группе с доходом до 2000 рублей на члена семьи в месяц – 62%).

На просьбу назвать конкретные процессы с участием присяжных треть участников массового опроса не откликнулись – не смогли ничего припомнить, а среди остальных многие либо упоминали телепередачи по правовым вопросам, либо называли процессы, проходившие без участия присяжных. Впрочем, это не означает, что они ничего не знают о “громких делах” последнего времени. Просто люди не акцентируют внимания на том, кто именно выносит решение о виновности подсудимого: судья или присяжные. Сравним две цифры. Отвечая на этот открытый вопрос, назвали процесс в Санкт-Петербурге по делу об убийстве таджикской девочки 11% респондентов. А когда спросили: *“Вы слышали или не слышали о решении суда присяжных в Санкт-Петербурге по делу об убийстве таджикской девочки? Если слышали, то считаете это решение справедливым или несправедливым?”* – только 33% участников опроса сказали, что не слышали об этом процессе. Сочли решение суда присяжных по этому делу несправедливым 42%, справедливым – только 5% респондентов. Остальные затруднились с ответом. Примечательно, что респонденты, имеющие опыт участия в судебных процессах, чаще, чем те, кто не имеет такого опыта, называют решение присяжных по делу об убийстве таджикской девочки несправедливым (48% и 39% соответственно).

Так называемые “громкие процессы” с участием присяжных вызвали неоднозначные оценки. Одни участники фокус-групп говорили, что слишком мягкие приговоры, а то и оправдания людей, очевидно виновных в инкриминируемых им деяниях, компрометируют идею суда присяжных. Другие утверждали, что оправдательные приговоры на “громких процессах” с участием присяжных заставят следственные органы и прокуратуру тщательнее готовиться к судебным заседаниям.

“Участник: Это когда несчастных чеченцев, простых, мирных, расстреляла группа капитана Ульмана. В автомобиле были мои коллеги, учителя. Там качество следствия было такое, что это дело бесконечно доследуется. Они не остановились вовремя, есть такой момент, и они приняли его за террориста. Ульмана присяжные оправдывают – потом опять военная коллегия, опять, браво дело, на доследование. Дело таджикской девочки было.

Модератор: Но Вы слышали, какой итог у этого суда присяжных?

Участник: Да. Это вызвало большой протест у таджикской диаспоры в Петербурге – приговор очень мягкий. Получается, что хулиган, как будто человек дал, извините, пинка в зад. А там за этой семьей гонялись насильники с ножами, резали.

Модератор: Что Вы думаете о роли суда присяжных в этих делах? Как Вы ее оцениваете?

Участник: Они сыграли здесь негативную роль, несомненно, приговор мягкий. Приговор там должен быть – не менее 10 лет. Любой суд любой страны вынес бы значительно более серьезное <наказание>” (ДФГ, Самара).

“1-й участник: Я думаю, что прокуратура не собрала достаточно доказательств, они понадеялись на то, что действительно шокирующее убийство девятилетней девочки станет достаточным основанием для суда присяжных проголосовать за то, что это убийство, межнациональная рознь.

2-й участник: Я согласен, не смогли доказать.

1-й участник: Прокуратура плохо работает.

3-й участник: Ребенка убили, брата искалечили.

4-й участник: Да подождите, они не... они... это не доказано...

Модератор: Представим себе, что дело с таджикской девочкой проводилось без суда присяжных – как вы думаете, какое было бы решение суда? Могло бы быть оно другим?

5-й участник: Всех бы посадили. И правильно сделали бы.

1-й участник: Если суд присяжных вынес такой вердикт, значит, не была доказана их причастность к убийству. Хулиганство могли пришить за что-то более раннее” (ДФГ, Москва).

Размышления о конкретных процессах с участием присяжных наводят участников фокус-групп на “конечные вопросы” о том, кто может быть носителем высшей справедливости: народ в лице присяжных или государство в лице профессиональных судей.

“1-й участник: Если говорить о справедливости, у меня вопрос: если, например, не устраивает приговор, вынесенный в результате суда присяжных, кто может его апеллировать? Только ли осужденный? А имеет право апеллировать в этой ситуации государство?

2-й участник: Конечно. Прокуратура с инициативой выходит. Или на доследование могут вернуть дело.

3-й участник: О демократии суда присяжных тогда речь не идет, понимаете? Ее просто нет. И не будет. Если прокурор может вмешаться в решение” (ДФГ, Самара).

КОММЕНТАРИЙ

Кто может быть присяжным заседателем

В соответствии с российским законодательством присяжные заседатели отбираются аппаратом суда путем случайной выборки из списков, составляемых каждые четыре года краевой (областной) администрацией на основе списка избирателей (ФЗ «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации»). Списки потенциальных присяжных тоже формируются методом случайной выборки, кандидаты в присяжные не подбираются администрацией и не выдвигаются коллективами.

Какие-либо ограничения на включение граждан в списки присяжных заседателей в зависимости от социального происхождения, расы и национальности, имущественного положения, принадлежности к общественным объединениям и движениям, пола и вероисповедания законом не допускаются.

К условиям, исключающим внесение в списки присяжных, относятся: недостижение лицом возраста 25 лет; неснятая или непогашенная судимость; признанные судом недееспособность или ограниченная дееспособность; нахождение на учете в наркологическом или психоневрологическом диспансере; наличие физических или психических недостатков, препятствующих полноценному участию в рассмотрении судом уголовного дела. Не допускаются также лица, подозреваемые или обвиняемые в совершении преступлений; не владеющие языком, на котором ведется судопроизводство. Кроме того, по письменному заявлению граждан из списков присяжных исключаются лица, не способные исполнять обязанности присяжного заседателя по состоянию здоровья, подтвержденному медицинскими документами; лица, достигшие возраста 65 лет; военнослужащие; а также те, чей род занятий может вызвать сомнения в их беспристрастности (судьи, прокуроры, следователи и т. п.) либо не совместим с судейской деятельностью (священнослужители). Председательствующим судьей от исполнения обязанностей присяжных заседателей могут быть освобождены по их заявлению женщины, имеющие малолетних детей; граждане, которые по своим религиозным убеждениям считают для себя невозможным участие в отправлении правосудия, а также имеющие иные уважительные причины.

Кто может быть присяжным

По мнению большинства опрошенных (58%), возможность попасть в число присяжных заседателей следует предоставлять далеко не всем гражданам (только 23% респондентов полагают, что любой взрослый человек должен иметь возможность заседать в суде присяжных).

Этих участников опроса спросили, какие же люди, по их мнению, должны заседать в таком суде. На первом месте среди критериев отбора присяжных – нравственные качества. Почти треть участников массового опроса (30%) полагают, что присяжные должны обладать «безупречной репутацией» – быть честными, порядочными, непредвзятыми, справедливыми, независимыми, неподкупными, ответственными, добросовестными, серьезными, добрыми, равнодушными людьми. Убеждены, что присяжные должны обладать юридическим образованием или, по крайней мере, быть компетентными в правовых вопросах, 17% респондентов. Еще 14% участников опроса сказали, что присяжные вообще должны быть грамотными, образованными; по мнению 4%, они должны быть умными («если есть мозги в голове, то и заседателем может быть любой человек»). Полагают, что присяжными должны быть люди бывалые, обладающие жизненным опытом, 3% респондентов. Таким образом, в общественном мнении качества, обозначающие компетентность, практически так же важны для присяжного, как и нравственные характеристики. Но и сама компетентность заключается не только и не столько во владении знаниями, сколько в мудрости – в том, что специалисты называют «социальной компетентностью»: в умении разбираться в людях, жизненных ситуациях, понимании неформальных правил.

Критерии, фигурирующие в соответствующем законе, упоминались реже. Заявили, что в коллегиях присяжных не должно быть людей с уголовным прошлым (закон запрещает участие в них людям с неснятой или непогашенной судимостью), – 4%. Заметили, что среди присяжных не должно быть людей с психическими расстройствами, алкоголиков, наркоманов, 2%. Еще 2% говорили о возрастных ограничениях.

В ходе обсуждения на фокус-группах довольно часто выражалась обеспокоенность потенциальной возможностью попадания в число присяжных “сомнительных персон” – в первую очередь агентов криминалитета.

“Есть такие примеры, что туда попадают люди, связанные с воровским миром. Чуть ли не с «общака» посылают своих представителей на суд присяжных. Уже все это идет” (ДФГ, Самара).

1-й участник: *Их произвольно набирают.*

2-й участник: *Да, выбирают, на кого попадет.*

3-й участник: *Кроме алкоголиков, хулиганов...*

4-й участник: *Это еще неизвестно, неизвестно.*

5-й участник: *При нашей коррупции туда может попасть любой человек”* (ДФГ, Москва).

Естественным образом с обсуждения таких опасностей участники фокус-групп переключались на размышления о том, что нужно сделать, чтобы их избежать. Кто-то вспомнил, что прокурор и адвокат могут заявить обоснованный отвод составу присяжных. Кто-то предложил предварительные собеседования с психологом и священником. Возникла идея ввести рекомендации трудовых коллективов для участия в судах присяжных.

“Модератор: Что нужно сделать для того, чтобы снять эти ваши претензии к суду присяжных?”

1-й участник: *Я считаю, что отбор должен быть. Психолог, может быть, будет сидеть.*

2-й участник: *Священников надо приглашать. Они определяют, милосердный человек или нет.*

3-й участник: *Прокурор и адвокат, ведущий процесс, отсеивают людей, которые их по каким-то критериям не устраивают. И в конечном итоге остается кандидатура, которая устраивает и прокуратуру, и адвокатуру.*

4-й участник: *Еще бы хорошо рекомендательное письмо – от организации, где работает человек, от ЖЭКа.*

5-й участник: *Любой же человек все равно вращается в каком-то кругу”* (ДФГ, Москва).

На фокус-группах в ходе обсуждения качеств присяжных прозвучало слово “ценз”, и оно вызвало споры между “эгалитаристами” и сторонниками введения формализованных ограничений. Респонденты говорили о критериях, на основе которых могли бы формироваться цензы для отбора присяжных. Упоминались имущественный, сословный, возрастной критерии. Назван был и ценз оседлости.

1-й участник: *Жизненный опыт, профессиональная подготовка.*

2-й участник: *Я думаю, от 35 лет и выше.*

1-й участник: *20-летнему человеку там делать нечего – пришел из армии, ничего не знает.*

3-й участник: У него мудрости нет.

4-й участник: Ну, желательно от 30 до 70, я думаю, чтобы маразма не было.

5-й участник: Разнослойность, люди из разных слоев.

6-й участник: Средняя прослойка населения, это та, которая не является руководящими работниками.

4-й участник: Это буржуазия, но такая мелкая и средняя.

6-й участник: Да, то есть это служащие, рабочие, которые имеют свое дело. И при всем при этом они самодостаточные и живут безбедно.

4-й участник: Должен быть ценз. Человек должен прожить здесь хотя бы какое-то определенное время, а не приехать, извините, из другой местности.

1-й участник: Наличие, наверное, работы.

3-й участник: Вот уровень должен быть все-таки нормальный. Потому что чтобы взятки вот эти вот не сверкали и не соблазняли, все-таки платить надо в таких местах, чтобы не было соблазна” (ДФГ, Самара).

“1-й участник: Немаловажно, чтобы люди были разные по соцобеспечению. Не должны сидеть эти 12 человек, выбранные только из сливок общества, допустим; или одни бедняки. Они должны быть разные еще по специальностям и по тому, как зарабатывают. Чтобы не было однозначно какой-то злости на богатых или бедных.

2-й участник: Дворник, слесарь там, кочегар...

3-й участник: Ну, упаси господь, только не дворник. Какой-то образовательный уровень должен быть” (ДФГ, Новосибирск).

“1-й участник: Ценз надо повысить.

Модератор: Какой ценз, ценз чего?

1-й участник: Образовательный и вообще.

Модератор: То есть как бы отбор должен быть?

1-й участник: Я считаю, хотя бы минимальный какой-то.

2-й участник: Я думаю, что любой более-менее социализированный человек может... Имеющий работу, не совсем уж маргинал какой-то.

3-й участник: Вот я не совсем согласна, потому что здесь мы все сидим разные: у кого-то среднее образование, у кого-то высшее. Это не значит, что нужно посадить всех с высшим образованием, пускай они, такие светила, будут судить праведно.

4-й участник: Возраст, интеллект у человека должен быть и образование.

5-й участник: Я вообще сторонник цензов, даже в голосовании на выборах.

2-й участник: Это уже не мнение народа. Нет, ценз – это неправильно, потому что у нас не кастовое общество” (ДФГ, Москва).

Хотя в ходе дискуссий выражались сомнения в том, что для суда присяжных можно отобрать действительно достойных людей, почти все участники обсуждений, доведись им оказаться на скамье подсудимых, предпочли бы обычному суду суд присяжных. Впрочем, с оговоркой – им не хотелось бы, чтобы в число заседателей мог попасть любой “человек с улицы”.

“1-й участник: Я, если бы меня судили, я бы не отказался от присяжных.

2-й участник: Если б я была Ходорковским, я бы не хотела, чтобы в суде присяжных были... люди менее эрудированные...

Модератор: *Где же мы вам столько найдем-то эрудированных, как Ходорковский?*

2-й участник: *Нет, которые соображают хоть как-то в его сфере деятельности” (ДФГ, Москва).*

При обсуждении вопроса о критериях отбора присяжных заседателей важной оказалась дилемма добровольность – принудительность. Большинство участников ДФГ склонялись к тому, что к отправлению правосудия принуждать нельзя. Однако высказывались и опасения относительно гиперактивности некоторых граждан, которые охотно согласятся быть присяжными.

“Модератор: *Как вы считаете, участие в составе суда присяжных каким должно быть?*

1-й участник: *Я думаю, добровольным.*

2-й участник: *Только добровольным.*

3-й участник: *Ой, вы знаете, нет, нет, нет! О добровольности. Есть такие активистки и активисты...*

4-й участник: *Правильно, правильно. Это только назначаться должны.*

2-й участник: *Мне вот, допустим, скажут: иди-ка там мужика суди, на тебе 100 рублей (это я образно) – и иди в присяжные. Я не пойду. Только добровольно. Добровольно.*

5-й участник: *Добровольно-принудительно.*

Модератор: *А как это?*

5-й участник: *То есть назначают, а ты, если не хочешь, не идешь” (ДФГ, Новосибирск).*

Закономерно теперь рассмотреть вопрос, хотят ли сами участники опросов попасть в число присяжных.

Кто хочет быть присяжным, или Можем ли мы помыслить себя субъектами правосудия

Три четверти (78%) участников массового опроса, на который мы уже неоднократно ссылались, по их словам, не хотели бы оказаться в числе присяжных заседателей. Привлекает такая перспектива 16% респондентов, чаще других – обладателей высшего образования (28%). Нет существенной разницы в отношении к перспективе стать присяжным между теми респондентами, кто имеет опыт участия в судебных процессах, и теми, кто не имеет такого опыта, хотя первые все-таки несколько чаще заявляют о желании попробовать себя в этой роли (табл. 3).

Участники фокус-групп выдвигали аргументы “за” и “против” своего участия в судебных процессах в качестве присяжных заседателей. Аргументы “за”: желание восстанавливать справедливость, возможность использовать свой жизненный опыт в благом деле. Аргументы “против”: страх за свою жизнь, большие психологические нагрузки, ответственность за чужую судьбу.

“Я бы пошла, вошла в число присяжных, потому что я хочу иметь право голоса объективного и справедливого. Но я бы уже смотрела направо, налево и по сторонам, потому что я бы чувствовала себя крайне небезопасно” (ДФГ, Москва).

“1-й участник: Я бы смог, в принципе. Потому что уже прожито, и увидено, и пережито.

Табл. 3

% от групп (по столбцам)

	Население в целом	Участниками судебного разбирательства	
		были	не были
Доли групп в населении, %	100	27	68
А лично Вы хотели бы или не хотели бы попасть в число присяжных заседателей?			
Хотел(-а) бы	16	20	14
Не хотел(-а) бы	78	73	81
Затрудняюсь ответить	6	6	6

2-й участник: *Я бы не пошла – по характеру я не подхожу. Я всем верю. Вот этот наврет – я верю, этот расскажет – я тоже верю* (ДФГ, Самара).

“1-й участник: *Конечно, сложно все это и тяжело. Но я согласна <стать присяжным>.*

Модератор: *Это беретя ответственность.*

1-й участник: *А как еще? Надо на себя брать тогда уж.*

2-й участник: *Это слишком эмоциональная перегрузка, я бы не пошла* (ДФГ, Новосибирск).

Некоторые считают, что человек не вправе судить другого – это богопротивное дело.

“1-й участник: *Я не понимаю, как судить человека. Я не понимаю этого.*

2-й участник: *А как можно убить, как можно украсть? Значит, и судить можно* (ДФГ, Новосибирск).

Информированность населения об особенностях суда присяжных

До сих пор мы говорили о тех “обыденных теориях”, которые бытуют в общественном сознании в связи с судом присяжных. Данные массового опроса и фокус-групп раскрывают те смыслы, которые люди вкладывают в это понятие. Но наличие смысловой нагруженности понятия отнюдь не означает, что респонденты обладают адекватными представлениями об устройстве и функционировании интересующего нас института. Обстоятельство, которое обращает на себя внимание при анализе материалов фокус-групп, – низкая осведомленность населения о суде присяжных как особой форме судопроизводства, о ее отличительных чертах. Но тогда и нежелание участвовать в отправлении правосудия в качестве присяжного обосновывается “неосведомленностью” респондентов. И дело не в отсутствии специального образования, юридических знаний, а в том, что у наших сограждан как потенциальных присяжных отсутствуют особого рода “гражданские” знания – о суде присяжных и своей роли в нем, фактически – о своих правах.

В ходе массового опроса, результаты которого здесь анализируются, вопрос “*Знаете ли Вы, что такое суд присяжных?*” не задавался, поскольку неизвестно, что означал бы утвердительный ответ: что люди слышали данное словосочетание или что им знакомы принципы функционирования этого института. Содержательная информированность (или отсутствие таковой) обнаруживается прежде всего в обсуждениях – причем фактически любых аспектов темы, так

что наиболее адекватным материалом для ее выявления оказываются групповые дискуссии.

“Собственно говоря, о суде присяжных я сужу в основном по американским сериалам... Это с Запада взяли – суд присяжных, у нас же не было его” (ДФГ, Москва).

“1-й участник: К сожалению, о нашем российском суде присяжных неизвестно практически ничего.

2-й участник: Чего-то я ничего, ничего не слышала.

1-й участник: Ни процедура отбора, ни процедура...

3-й участник: Судя по тому, по тем результатам, которые вот сейчас публикуют, я не понимаю роли этих присяжных” (ДФГ, Москва).

Лишь немногие участники дискуссий имеют адекватные представления о каких-то аспектах деятельности суда присяжных, но чаще встречаются разного рода домыслы на этот счет.

“Модератор: А вот если половина считает, что виновен, а половина, что невиновен?”

1-й участник: А вот здесь будет судья решать.

2-й участник: Да.

1-й участник: Здесь уже закон должен.

Как принимается окончательное решение

Суд присяжных – это не “народное правосудие”, где решение отдается на откуп толпы. Судебное решение принимается здесь в строгих процессуальных рамках, правовым методом.

Вопросы, на которые отвечают присяжные при вынесении решения (вердикта), формулируются председательствующим судьей. Эти вопросы касаются только того преступления, в котором обвиняется подсудимый. С учетом позиции защиты, отраженной в формулировках вопросного листа, присяжные имеют возможность принять решение о виновности в менее тяжком преступлении.

Перед уходом коллегии в совещательную комнату председательствующий в напутственном слове объясняет процедуру принятия решения.

По российскому закону присяжные должны стремиться к единодушному решению. Если в течение трех часов присяжным не удалось достичь согласия, ответ на каждый вопрос решается открытым голосованием. Закон запрещает воздерживаться от голосования. Обвинительный вердикт принимается простым большинством. Если голоса разделились поровну, действует принцип благоприятствования защите – вердикт оправдательный. В основе этого принципа лежит одно из положений презумпции невиновности, согласно которому “неустранимые сомнения в виновности лица толкуются в пользу обвиняемого” (ч. 3 ст. 49 Конституции РФ).

Оправдательный вердикт присяжных влечет обязательное вынесение оправдательного приговора. При квалификации деяния в соответствии с обвинительным вердиктом и назначении наказания председательствующий учитывает также обстоятельства, не подлежащие установлению присяжными и требующие собственно юридической оценки (к примеру, наличие у подсудимого неснятой судимости).

Вердикт присяжных обязателен для председательствующего, за исключением случаев, когда при обвинительном вердикте он усматривает основания для вынесения оправдательного приговора. Тогда в зависимости от юридических оснований председательствующий либо выносит оправдательный приговор, либо принимает решение о роспуске коллегии и направлении дела на новое рассмотрение иным составом суда. Таким образом, при обвинительном вердикте последнее слово остается за профессиональным судьей, председательствующим в процессе, и ответственность в этом случае полностью лежит на нем.

КОММЕНТАРИЙ

3-й участник: *Да нет. В суде присяжных нет судьи. Там 12 человек, одного старшим берут – кто постарше или пошире. Или повыше.*

1-й участник: *Ну, вот они получили ответ на вопрос: б и б. Судья же все равно рассматривает.*

3-й участник: *Прокурор.*

1-й участник: *Ой, ну я не знаю, слава богу, этих вот тонкостей.*

4-й участник: *А прокурор смотрит – и уже вывод делает по их решению, да? И уже приближенно к закону, я думаю так”* (ДФГ, Новосибирск).

Не четче и представления участников фокус-групп о том, как люди попадают в число присяжных.

“1-й участник: *Я считаю, у кого совести больше, тех выбирают.*

2-й участник: *Их не выбирают, их назначают”* (ДФГ, Новосибирск).

“1-й участник: *Да их произвольно набирают.*

2-й участник: *Да, то есть выбирают, на кого вот попадет.*

3-й участник: *Кроме алкоголиков, хулиганов...*

4-й участник: *Это еще неизвестно, это неизвестно.*

5-й участник: *Нет, а я слышала, что там немножко юридическое образование какое-то они должны иметь”* (ДФГ, Москва).

“Модератор: *А если бы вас выбрали в качестве присяжного заседателя, согласились бы вы?*

1-й участник: *Я бы – нет, я бы не пошел... Ну, во-первых, вот N – она рассказывает про процесс. Ну как, ну пригласили ее в присяжные заседатели. Два абзаца прочитали – выйдите. Дальше идет между собой обсуждение. А как я могу потом решать, если я не знаю всего?*

2-й участник: *Ну, это какая-то жуть. Мне непонятно.*

3-й участник: *Как фон, для фона это могут.*

1-й участник: *Поставят галочку, что был суд присяжных”* (ДФГ, Самара).

Выводы

1. Основным аргументом общества в пользу суда присяжных является его потенциально меньшая коррумпированность, большая справедливость с точки зрения “правды”, а не закона. То, что именно эти идеи стали центром размышлений и участников массового опроса, и участников фокус-групп, говорит в первую очередь о неудовлетворенности работой профессиональных судей, укорененности представлений о несовпадении существующих судебных процедур и норм закона с принципами справедливости. Суждения о большей справедливости суда присяжных – это лишь авансы, надежды, основанные на предположении, что “простые люди” способны к состраданию, тогда как люди в форме и мантиях, принимая решение, руководствуются лишь законом.

2. Негативное отношение к суду присяжных основывается на аргументах, которые в течение последних пятнадцати лет постоянно присутствуют в идеологических баталиях на эту тему. Противники суда присяжных утверждают, что, во-первых, обычные люди руководствуются эмоциями, а не законом. Во-вторых, российское общество переживает сейчас моральный кризис, а аморальному социуму нельзя доверять функции суда. На фокус-группах довольно часто

в качестве аргумента против суда присяжных звучали утверждения о падении нравов. Психологам давно известен феномен негативизации – люди склонны оценивать других людей и ситуации тем хуже, чем длиннее социальная дистанция (например, отношения в семье – отличные; между соседями – хорошие, между людьми в нашем городе – нормальные; между людьми вообще – “волчьи”). Подкрепляют тезис о всеобщей аморальности и коррупционные скандалы. Все это – не самый лучший фон для введения института суда присяжных. Но если иметь в виду только этот аспект, стоит сказать, что к обычному суду рядовые россияне относятся еще хуже.

3. Судя по тому, что в перечне требований к присяжным наряду с нравственными качествами присутствовали ожидания, связанные с разными аспектами компетентности, введение цензов – образовательных, имущественных, оседлости – не вызвало бы особого протеста среди населения. Участники дискуссий выдвигают два основных аргумента за введение цензов: 1) бедного и малообразованного человека легче запутать, запугать, подкупить; 2) присяжные должны быть авторитетными, известными в своем населенном пункте или коллективе людьми.

4. Тот факт, что желающих попасть в число присяжных оказалось среди респондентов довольно мало, объясняется не только страхом перед угрозой давления. Главные опасения связаны с неготовностью брать на себя ответственность за решение вопроса о чужой судьбе в ситуации неопределенности, когда убедительными кажутся доводы противоположных сторон судебного процесса – и обвинения, и защиты.

5. Однако страхи и опасения – только одна сторона дела. Важно увидеть и другие аспекты ситуации. Тем более реформаторами (остались ли сегодня подлинными субъекты судебной реформы – вопрос особый) подобное отношение граждан к себе в качестве потенциальных субъектов правосудия должно восприниматься как маркер серьезной проблемы – “камень, который презрели строители, стал во главу угла”. Главной виделась задача формирования нового правопонимания и профессионализма юристов, а об информационно-просветительской работе среди населения заботились недостаточно. Мы предполагаем, что нежелание оказаться в роли присяжного заседателя в небольшой степени обусловлено чрезвычайно низкой информированностью населения о том, что такое суд присяжных, каковы функции коллегии присяжных заседателей, каковы правовые рамки их деятельности и гарантии защиты подсудимого от возможной роковой ошибки присяжных – обвинения невиновного.

Одновременно СМИ подчас формируют негативный, даже какой-то нелепый имидж суда присяжных в связи с вынесением в ходе так называемых громких процессов кажущихся несправедливыми вердиктов – как оправдательных, так и обвинительных. Вину за такие приговоры приписывают в первую очередь присяжным, а не тем, кто должен работать профессионально: следователям, судьям, прокурорам, адвокатам.

6. То, как люди представляют себе устройство суда присяжных, может вызывать шок у специалистов. А что знали бы мы, авторы этой статьи, не будь мы профессионально связаны с этой темой? Видимо, то же, что и большинство наших респондентов: вроде бы у нас где-то есть суд присяжных, слышали кра-

ем уха про “громкие процессы”, про то, что присяжные “опять не разобрались”, и т. п.

Какие напрашиваются выводы? Первое, что кажется очевидным, – “наш народ не готов”, “общество не созрело”, “рано еще”. Но на ситуацию можно взглянуть иначе, и тогда вывод будет относиться не к гражданам, а к реформе. Можно задаться вопросами: что должны узнать общество и каждый гражданин об этом институте? Каким образом донести необходимую информацию? Ведь информированность – это результат специально проведенной работы. Задача даже не пропагандистская, а информационно-разъяснительная – “это должен знать каждый”. При нынешних средствах коммуникации на пути ее решения едва ли возникнут трудности. Такой взгляд мы назвали бы реформаторско-практическим, или управленческим. Это то направление судебной реформы, без которого идеи участия общества в правосудии оказываются беспочвенными.

7. С середины 90-х годов позиция реформатора судебной власти “размазалась” по разным ведомствам, и субъект судебной реформы исчез как таковой – как носитель ценностей, целей, стратегии. Предполагалось, что суд присяжных станет институтом гражданского общества. И, наверное, его будущее – не только в руках власти, но и самого общества. ■

Литература

Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М.: Русский язык, 1978. Ре-принтное издание 1880–1882 гг.

Джанишиев Г. Эпоха великих реформ. 10-е доп. изд. СПб.: Тип. Б.М. Вольфа, 1907.

Знаков В.В. Психология понимания правды. СПб.: Алетейя, 1999.

Карнозова Л.М. Возрожденный суд присяжных. Замысел и проблемы становления. М.: Nota Bene, 2000.

Климов И. Социальный запас знания // Социальная реальность. 2006. № 1.

Климова С.Г. Оценки россиянами работы судов: предубеждения или горький опыт? Концепция судебной реформы в Российской Федерации. Сост. С.А. Пашин. М.: Республика, 1992.

Миттермайер К. Европейские и американские суды присяжных. Их деятельность, достоинства, недостатки и средства к устранению этих недостатков. Вып. 1–2. М.: Тип. А.И. Мамонтова. 1869–1871.

Морщакова Т.Г. Судебная реформа: сб. обзоров. М.: ИНИОН, 1990.

Мысли о правосудии: “Круглый стол” // Советская юстиция. 1988. № 16.

Нерсесянц В.С. Наш путь к праву: От социализма к цивилизму. М.: Российское право, 1992.

Пашин С.А. Судебная реформа и суд присяжных. М.: Российская правовая академия МЮ РФ, 1995.

Петрухин И.Л. Правосудие: время реформ. М.: Наука, 1991.

Сокирко В.В. Сумма голосов присяжных в поиске граней экономической свободы: Учебное пособие. М.: РосКонсульт, 2000.